

Т.И. Семенова

ОШИБОЧНЫЕ КОГНИЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию взаимодействия языковых и когнитивных структур. Особое внимание уделяется языковой концептуализации ошибочных когний. В статье анализируются когнитивные основания формирования концептуальной структуры ошибочного мнения. Устанавливается эпистемический статус языковых явлений, репрезентирующих концепт ошибки/

Ключевые слова: концепт; концептуализация; когния; ошибочные когнии; эпистемический модус; ошибочное мнение

T.I. Semenova

ERRONEOUS COGNITIONS FROM A LINGUISTIC VIEW POINT

The article discusses language conceptualization of such mental phenomena as mistakes, errors, mistaken beliefs, misconceptions. The goal of the article is to reveal the cognitive status of the linguistic expressions encoding the concept of mistake.

Key words: concept; conceptualization; cognition; erroneous cognitions; interpretation; epistemic; modus; mistaken belief.

Во всех культурах «обыденная» когния незримо присутствует при чувственном восприятии, в правильных и неправильных интуитивных суждениях, в индуктивных рассуждениях, личных мнениях, то есть в тех когнитивных структурах, которые свойственны человеку как homo loquens [Демьянков, 1994]. Человек в «языковой картине» концептуализируется не только как Человек говорящий, но и как Человек познающий, Человек полагающий, Человек волевой, Человек неискренний [Антропологическая, 2003]. Еще одна ипостась языкового моделирования образа человека – это Человек ошибающийся. Человек не «всеведущ», и в когнитивном взаимодействии с миром познающий субъект не застрахован от разного рода ошибок: ошибок в восприятии (*ошибся в источнике звука, размерах, цвете объекта*), ошибок при выполнении автоматической деятельности (*по ошибке нажал не на ту кнопку*), ошибок при идентификации предметов, явлений (*ошибочно принял один объект за другой*), ошибок в ситуации выбора (*ошибся дверью, улицей*), ошибок в суждениях, мнениях, выводах. К ошибочным действиям относятся оговорки, описки, ошибки при слушании или чтении, ошибки памяти и

др. С одной стороны, ошибки являются одним из видов отклонения от истины, а с другой – они являются источником опыта. Ведь опыт не может возникнуть из одних только знаний правил, путь к профессиональному мастерству зачастую идет через преодоление ошибок, к каждой обнаруженной ошибке можно относиться как к ценному опыту. Представление об ошибке занимает определенное место в ценностной картине мира. Латинское изречение *Humanum est errāre*, представлено в различных вариациях и в английских паремиях, которые объективируют познавательную ценность ошибки: *Learn from your mistakes, so that you don't repeat them; He who never made a mistake never made anything; To err is human, to persist in it is beastly; Learn from the mistakes of others; Don't make the same mistake twice* [EDEL]. Суть этих сентенций сводится к необходимости извлечения опыта из совершенных ошибок, они нацеливают учиться на ошибках других, не повторить одну и ту же ошибку дважды. Преодоление ошибок как своего рода преград концептуализирует путь к знаниям: *Science progresses by trial and error, by conjectures and refutations* (BNC); *In the past, a new sister has learned mainly through ob-*

servation of those more experienced; and then, *through trial and error*, has developed her own style of ward management (BNC). Представление об ошибке как о своего рода препятствии оказывается антропоцентричным, субъектно-ориентированным, ценностным, аксиологически и модально связанным, императивным, креативно заряженным [Рябцева, 2000, с. 214-224].

Как же в языковом сознании отображаются специфические особенности и механизмы когнитивных процессов, в частности, заблуждения, сенсорные девиации, ошибки, ошибочные действия, способность познающего субъекта к самокоррекции? Каков когнитивный статус феномена ошибки? Для ответа на эти вопросы необходимо выяснить, какая структура знания стоит за словом MISTAKE (ошибка) для носителя английского языка и с какой концептуальной структурой это слово связано в его сознании, то есть установить, как знания о мире связаны с языковыми, конвенциональными формами вербализации этих знаний. Явления, которые концептуализируются в языке как реальные или потенциальные препятствия, описываются словами и выражениями, содержащими в своем значении внутреннее, неявное или явно выраженное отрицание, подразумевающее оценку. Это могут быть *остановки* и *ошибки* в работе, *сбой*, *оплошность*, *огрехи*, *упущение*. Их объединяет идея «нанесения вреда» [Рябцева, 2004, с. 201].

Ошибка, согласно толковым словарям английского языка, расценивается как неправильность в действиях и мыслях, которая может вызывать проблемы. Так, слово *mistake* определяется как *something that you have not done correctly or something that you say or thing is not correct* [MEDAL], *something that you do or decide that is not at all sensible and causes you a lot of problems* [LLA]. Из дефиниций становится ясно, что когнитивная структура ошибки включает деятельность (физическую, ментальную, перцептивную) и оценку этой деятельности как неправильной. Однако сам тип деятельности не конкретизируется. Изначально, слово *mistake* было связано в англоязычном сознании с идеей неправильного выбора ‘**the error in the choice of**’, **то есть имело значение** ‘взять что-то по ошибке’ – *to take amiss*, *to take wrongfully*, *wrongly or in error* [OED].

Слово *mistake* является дериватом на основе заимствованного из исландского глагола *taka* и приставки *mis*, которая восходит к готскому *missa* в значении *wrong* «неправильный». Значение ошибочного выбора, ошибочной идентификации сохранилось у современного глагола *mistake*, ср.: “*Someone actually shot at me.*” “*I think that you **might have been mistaken for someone** or you were in the line of fire* (Mitra, 250); If Ricks had given the sheriff a description of me he could be mistaken for me (Chase, 261).

Слово *error* этимологически связано с латинским *errāre* и первоначально означало «поиски», «блуждания», что нашло отражение в словарных дефинициях, ср: *to take the wrong path*, *to stray from one's path*, *to astray*, *to wander* [EDEL], *the action of roaming or wandering*, *hence a devious or winding course* [OED], что в переносном смысле означало «неуверенность», «незнание». В современном английском языке слово *error* означает состояние человеческого сознания, которое принимает ложное за истинное, это слово концептуализирует неточность в определенных действиях, ошибку в суждениях, принятых решениях, ошибки в расчетах/вычислениях [MEDAL]. Совершение ошибки метафорически уподобляется преодолению помех, неловким движениям, в результате которых человек может поскользнуться, оступиться, споткнуться, ср: *I was completely wrong-footed*; *I fell flat on my face* the last time I tried; *She stumbled over the speech* [MEDAL].

В языке существуют отдельные названия для особых типов ошибок, имеющих место в ситуациях социального, межличностного взаимодействия. Так, словами *gaffe*, *blunder* категоризируется глупая ошибка, в результате совершения которой человек оказывается в неловкой ситуации. При этом интерпретация соответствующего поведения, действий, поступков носит ярко выраженный оценочный характер, ср: *Government agents had blundered again and arrested the wrong man* (MEDAL). Ошибки в «автоматической» деятельности категоризируются глаголом *mix* «перепутать», ср.: *It's so dark in the bar. The bottles must have got mixed* (Green, 164).

Концептуальный признак ‘ошибочное действие’ (ментальное, физическое, перцептивное) присутствует в когнитивной структуре слов (глаголов и существительных),

образованных с помощью приставки **-mis**: **mis-understand**, **miscalculate**, **misinterpret**, **misplace**, **mislay**, **misconception**, ср.: *For some time I have been realizing a lock was on the inside of the door of my life and I had **mislaid** the key* (Mitra, 317); *People on the outside have a lot of **misconceptions** about Alaska* (Dailey, 59). Ошибка, как показывает анализ сочетаемости слов со значением ошибочного действия, может быть в зависимости от **серьезности последствий** разной степени – **big**, **serious**, **disastrous**, **dreadful**, **grave**, **fatal**, **terrible**, **tragic**, **devastating**, **comical**, например: *From the fury in their voices, the mistake had been **devastating*** (Dailey, 68); *I was tired that night and worried about taxes and bills and I could think of Trencher's declaration only as a **comical** mistake* (Cheever, 9). Ошибка воздействует на **эмоциональную сферу** человека, на его внутреннее состояние, порождает отрицательную психологическую реакцию, она становится помехой нормальному ходу событий, и этим объясняется деструктивный характер ошибки, ср.: *In the back of her mind was the feeling she had somehow **made a mistake that threatened** her whole way of living* (Chase, 272); *"I'm very sorry, Sir, but it was only a mistake on my part."* *"Good Heavens! Don't you realize **that there are some mistakes worse than a crime**, and this is one of them"* (Cheever, 123); *the **deplorable mistake** was likely to be the destruction of the whole family* (BNC). Судя по языковым данным, ошибка может разрушить семью, угрожать жизненному благополучию. Представление об ошибке оказывается важным для характеристики субъекта деятельности, его поступков и свойств личности.

Об ошибке говорят в тех случаях, когда человек сделал не то, что следовало, или то, что не следовало. То есть усилия субъекта были направлены на достижение цели, выполнение задачи, на положительное завершение намеченного, но полученный результат оценивается как ошибочный, поскольку он либо не соответствует намеченным, требуемым результатам, либо не соответствует норме, закону, требованию. Ошибка находится в тесном концептуальном родстве с такими смежным понятием, как нарушение, которое также является собой «неправильную» ситуацию. Различие между *ошибками* и *нарушениями*, по мнению Г.И. Кустовой заключается в том, что

ошибка субъективна, она замыкается в сфере субъекта. Ошибка приводит к не достижению индивидуальной цели, личного плана, замысла. Если это причиняет ущерб, то прежде всего самому субъекту, хотя последствия ошибки могут затрагивать и других людей. За ошибки обычно не судят, в них не обвиняют, а часто, наоборот, сочувствуют. *Нарушение* социально, «интерсубъектно». Нарушение – это неправильное выполнение или невыполнение правил, законов, норм, требований, которые устанавливаются другими людьми. Главное отличие ошибки от нарушения определяется внутренним состоянием субъекта. Тот, кто нарушает правило, норму, закон, ЗНАЕТ (или, по крайней мере, должен знать об этом). Тот, кто совершает ошибку, НЕ ЗНАЕТ и не может знать (иначе бы ошибок никто никогда не делал) [Кустова, 2004, с. 233]. Ясно, что понятие «ошибка» в таких случаях приобретает особый смысл: оно фиксирует только несовпадение намеченного и достигнутого. Ошибку, в отличие от нарушения, нельзя запланировать, ее нельзя совершить сознательно, намеренно.

Ситуация ошибки когнитивно сложная, она включает как минимум два события: одно событие имеет место в действительности, а второе – есть ментальная обработка этого события в концептуальном мире познающего субъекта. Другими словами, субъект выполняет некоторое действие, чтобы достичь определенного результата, однако результат оказывается не тем, каким его планировал субъект, и в этом случае имеет место оценка действия как ошибочного. Ошибочность действия выявляется в результате его сопоставления с другим суждением, принимаемым за правильное, либо непосредственно с фактами. Любая ошибочная деятельность может быть проинтерпретирована универсальной формулой отрицания 'не Р, а Q', где элемент Р соответствует ожидаемому правильному действию, а Q – тому, которое было предпринято вместо Р [Труб, 2008]. Экспликацией ошибочной ситуации может служить пример ниже, в котором представлена денотативная ситуация (*мужчина зашел в бар*), оценка этого действия как ошибочного (*это было ошибкой*), и то «правильное действие», которое надо было сделать (*надо был обналичить чек, не заходя в бар*), ср.: *He was telling himself **it had been a mistake to***

come into the bar. He should have gone immediately to the desk and cashed his check and left (Chase, 29). Слово *mistake*, реализуя предикативную функцию, может быть как в препозиции по отношению к вводимой пропозиции, как в примере выше, так и в постпозиции, ср.: *Hesitating, I lowered the gun. That was a **mistake**. The slight movement **must** have caught Eddy's eyes* (Chase, 302).

Действие или состояние, являющееся предметом интерпретации, то есть содержание ошибки, может быть категоризовано разными языковыми формами: герундием, инфинитивом, простым предложением, придаточными предложениями: *"Have you entered her in nursery school?"*. *She made a mistake one night of suggesting that Deborah saw too little of her parents and lacked the sense of security they should give her* (Cheever, 191); *Then I knew I had made a dangerous mistake hitting him. I had imagined he was so spineless and such a scrounger I could pay for that punch with a ten-dollar bill* (Chase, 224); *Suddenly I turned cold and my mouth filled with bile. It had been a mistake to have drunk that whiskey* (Chase, 160); *Hesitating, I lowered the gun. That was a mistake. The slight movement must have caught Eddy's eyes* (Chase, 302). Содержанием ошибки может не само действие, а область, сфера деятельности, ср.: *Also, at about this time, I made a mistake in business and lost several thousand dollars for the firm I work for* (Cheever, 10); *If you and your committee make a mistake in college affairs the results are usually not disastrous* (Shaw, 65). Разнообразие синтаксических структур, категоризирующих феномен ошибки в английском языке, свидетельствует о разнообразии категоризации мира их носителями, то есть о том, что эта ситуация каким-то образом внутренне подразделяется в английском языковом сознании. Предложения с предикатами ошибочной деятельности выражают конъюнкцию двух суждений: одно касается положения дел в универсуме речи, другое – описывает ментальное состояние субъекта модуса, его интерпретацию референтной ситуации.

Общее свойство ошибочного поведения заключается в том, что ошибку нельзя совершить сознательно, она может быть осознана только ретроспективно, то есть в момент совершения ошибочного действия человек не знает, что оно ошибочно [Кустова, 2004]. Да-

же в случаях референции к моменту речи сказать *Вы ошибаетесь* можно только тогда, когда ошибка уже сделана [Апресян, 2004, с. 17]. Осознание ошибки – это результат ретроспективной рефлексии над ситуаций. Ретроспективность для анализа ошибок важна для того, чтобы извлечь из них урок, осознать, что привело к ошибочному результату.

Все ситуации ошибочных действий невозможно перечислить, поскольку глагол *ошибаться* приложим к многообразным ситуациям. Теоретически любая ситуация может быть концептуализирована как ошибочная, особенно, если результат оказывается отличным от задуманного, часто не в лучшую сторону. Однако, дело не в том, что ошибкой или нарушением может быть какая угодно ситуация. *Ошибаться* – денотативно пустой предикат, под него может быть подведена, казалось бы, любая ситуация, однако, как подчеркивает Г.И. Кустова, «не любая, а имеющая определенные когнитивные основания» [Кустова, 2004, с. 232]. Носители языка подводят конкретные ситуации под ошибку не по реальному денотативному содержанию, а по другим признакам. По каким же признакам действие оценивается как ошибочное?

Глагол *ошибиться* относится к группе предикатов интерпретации (косвенной (вторичной номинации) [Апресян, 2004; Кустова, 2004]. Ю.Д. Апресян называет интерпретационными глаголы типа *выручать, грешить, подводить, кривить душой, нарушать (правило), ошибаться, подводить*. Такие глаголы «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия, а служат лишь для оценочной интерпретации другого, вполне конкретного действия, представляемого как уже совершенное кем-то и образующего пресуппозицию данного глагола» [Апресян, 2004:17]. Общая особенность предикатов интерпретации состоит в том, что есть некоторая ситуация Р со своим собственным «физическим» (денотативным) содержанием, происходящая в реальном (физическом) пространстве и времени, которая, однако, прямо не названа, и есть ее интерпретация, оценка с определенной точки зрения – проекция во внутреннюю сферу человека, которая и выражается соответствующим предикатом интерпретации [Кустова, 2004, с. 211]. Сложность описания пре-

дикатов интерпретации состоит в том, что у них нет обычного набора семантических признаков как, например, у глаголов физического действия.

Интерпретационные предикаты являются языковым выражением рефлексии говорящего над концептуальным содержанием, субъективно-модальной интерпретации содержания высказывания, референтом которого является некоторое положение дел. В процессе распознавания, идентификации, номинации и характеристики некоторого явления и события человек одновременно его квалифицирует, интерпретирует, оценивает, выражает к нему свое отношение, оставляя «следы» своей рефлексии в виде языковых знаков, в частности, посредством слов со значением ошибки. Рефлексия – это «мышление на метауровне, субъектно-ориентированная интерпретация объекта субъектом» [Рябцева, 2004, с. 381]. Интерпретации действия как ошибочного имеет когнитивный статус модусной ситуации. Модусная, или оценочная, категоризация по своей природе связана с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией и воспроизводит оценочную модель мира. Она объективирует способы интерпретации знаний человеком и закрепляет механизмы этой интерпретации в системе языка в виде определенного типа категорий. Данный тип категорий является онтологическим для человеческого сознания и гносеологическим по отношению к окружающему миру и миру языка [Болдырев, 2005, с. 32–33]. Языковые единицы и категории модусного типа обеспечивают возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого различных смыслов. Модусные категории не просто связаны с человеческим фактором, но в них наиболее ярко выражена отражательная деятельность сознания, его интерпретирующая функция. Их присутствие в высказывании маркирует представленность «внешнего», объективного мира в субъективной форме, его «онтологически субъективный модус существования» [Searle, 1999, с. 44]. По своему типу модусная ситуация интерпретации ошибочного действия относится к ментальному (эпистемическому) модусу отрицательной истинностной оценки [Арутюнова, 1988, с. 123].

Представление об ошибке объединяет физический, социальный и ментальный мир действующего и мыслящего субъекта. В рамках ошибочной деятельности различают такие типы ошибочного поведения, как «автоматическую» деятельность, неправильное решение и неправильный поступок, ошибочное мнение, сенсорные девиации [Кустова, 2004; Труб 2008]. Более подробно остановимся на концептуализации ошибочного мнения.

Мнение относится к ситуациям, про которые человек не обладает точной информацией. Неполнота уверенности порождается недостаточной убедительностью аргументов, неполным доверием к источнику информации, то есть неуверенность мнения обусловлена эпистемической недостаточностью. Как отмечает Ю.Д. Апресян, ошибочность чье-либо мнения может выясняться как при столкновении с правильным взглядом на вещи (в случае общего суждения, так и в сопоставлении с фактами в случае конкретного мнения) [НОСС]. Отличие ошибочного мнения от лжи заключается в том, что субъект, высказывая ложное мнение, может и не знать о том, что оно ложное [Кустова, 2000, с. 234].

Анна Зализняк выделяет два источника значения ошибочного мнения в русском языке: связь с перцепцией, с идеей света, недостаточного поступления света и с семантическим переходом в значении глагола *мнить*, в котором диахронически представлена семантическая деривация нейтрального мнения в ошибочное. Речь идет о семантическом переходе 'иметь мнение' → 'иметь неправильное мнение'. Глагол *мнить* вышел из употребления в значении нейтрального мнения, но он развил новое значение 'ошибочного' мнения, в частности, 'иметь ошибочное мнение, основанное на завышенной самооценке' *мнить себя кем-то/ каким-то / из себя* [Зализняк, 2008]. Тенденция перехода непроверенного мнения в ложное характерна и для глагола *думать*. Так, *Он думает, что P* скорее всего означает, что он ошибается. Е.В. Падучева называет это явление «несочувственной интерпретацией подчинительной конструкции», в данном случае имеется в виду неприсоединение говорящего к мнению или установке субъекта, то есть мнение, с которым говорящий намерен полемизировать [Падучева, 1996, с. 326]. «Несочувственная» интерпретация бывает в кон-

тексте 3-го лица, при этом в семантику высказывания входит компонент 'а на самом деле это не так'. Для «несочувственной» передачи чужого мнения может использоваться и лексема *воображает* (*Он воображает, что его примут*).

В английском языке смысловой компонент потенциальной ложности подчиненной пропозиции присутствует в семантике лексических единиц *allege, claim, imagine, think*. Такие единицы имеют спектр употребления от нейтрального значения истинности подчиненной пропозиции до отчетливой ложности. Предложения, включающие эти языковые единицы, описывают ошибочное, с точки зрения говорящего мнение, ср.: *To avoid prolonging the scene she paid Maria a month's wages. Then she showed her the door. Doubtless (Mrs. Garlic meditated) the girl thought she would get another rise of wages. If so, she was finely mistaken. A nice thing if the servant is to decide when curtains are to go to the wash* (WS). В приведенном примере присутствует мнение горничной о том, что ей прибавят жалование и оценка ошибочности этого мнения со стороны хозяйки. Несогласие говорящего с передаваемым мнением эксплицировано интерпретационным предикатом *was mistaken*. Ошибочность мнения с глаголом *think* маркируется противительными союзами, ср.: *He thought she had left the room but when he looked up she was still standing there* (Cheever, 44). Ошибочность мнения эксплицируется языковыми единицами с семантикой опровержения, ср.: *He put down his knife and fork, pushed away his plate and sat with his head bowed. I thought at first that he was saying a grace but I think in fact he had been overcome with a feeling of nausea* (Green, 111). На неточную или на неразделяемую говорящим оценку указывают и предикаты *imagine, believe*, ср.: *The bellboy showed his teeth in what he imagined was an accommodating smile* (Shaw, 56); *The poor lady sang Killarney in a bodiless gasping voice with all the old-fashioned mannerism of intonation which she believed lent elegance to her singing* (WS, 162). Глаголы *imagine, believe*, как с очевидностью следует из примеров, категоризируют ошибочное мнение, основанное на завышенной самооценке. С точки зрения истинностной оценки мнение представляется сомнительным, ошибочным.

Ошибочное мнение, как разновидность ошибочных ситуаций, ретроспективно: тот, кто совершает ошибку, в том числе и высказывает ошибочное мнение, не знает заранее, что его мнение ошибочно, ср.: *He had complete belief in his night-watchman – wrongly as it turned out, for the man had been asleep at his post* (Green, 78). Ошибочное мнение категоризируется также конструкциями с инфинитивом, называющим ментальное действие (*to think, to assume, to suppose*) и интерпретативным предикатом *mistake* в препозиции к инфинитиву, ср.: *His mistake was to assume that the Labour party would provide a more receptive political vehicle for his ideas than the Conservatives* (BNC); *It is a mistake to think of that earlier period as a flippant approach to the problem of making art* (BNC). Оценочное сообщение передает аксиологическое отношение говорящего к положению дел и замещает факт его явной интерпретацией.

Переход от неопределенно-истинного к ошибочному мнению актуализируют и модусные предикаты со значением кажимости. В сфере действия модуса кажимости оказываются пропозиции, содержание которых представляет вероятностное суждение на основе непосредственного восприятия действительности, ср.: *Sometimes it seemed to him that she was worried and upset about something* (Murdoch, 78). Модус кажимости в значении «неуверенное мнение» выражает отношение к некоторому утверждению или мнению с точки зрения его истинности, это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего. Модусные предикаты кажимости концептуализируют разные степени ощущения истинности мысли – от относительной уверенности субъекта (или говорящего) в ее достоверности и до полной уверенности в ее ложности. Значение «неуверенного мнения», реализуемое глаголами *seem, appear, look, feel, sound*, предполагает истинностную оценку пропозиции со стороны воспринимающего субъекта и нейтральную оценку истинности подчиненной пропозиции со стороны говорящего. В ассерцию значения «неуверенное мнение» входит смысл 'X считает, что скорее всего P', а в презумпцию – 'Говорящий ничего не считает по поводу P'. Возможность двоякого актуального членения в высказываниях с модусом

кажимости обеспечивается тем, что эти предложения выражают конъюнкцию двух суждений: одно касается положения дел в универсуме речи, другое – описывает ментальное состояние субъекта модуса. Значение ложности мысли, ошибочного мнения, ее несоответствия действительному положению дел реализуется в полемическом или противительном контексте, когда прагматически очень важно выразить противопоставление обманчивого внешнего впечатления и того, что есть на самом деле. Содержание пропозиций, вводимых модусом кажимости, может быть противопоставлено действительному положению вещей, поскольку суждение вероятности, то есть мнение-предположение, вполне совместимо с возможностью ошибки. При противопоставлении «видимости» и «подлинной реальности» используются языковые единицы с семантикой опровержения и уступки. Оппозитивный характер взаимодействия ментальных пространств кажущегося и реального (казалось одно, на самом деле было другое) актуализируют такие языковые единицы, как *actually, really, in fact, in truth, practically, but, although, though, however, yet, in reality, instead, nevertheless, none the less*. Введение языковых единиц с семантикой опровержения создает прагматический контраст между субъективным впечатлением и фактуальной информацией, ср.: *The difference of level was in fact little more than a foot, but it seemed to Marcus like a sudden descent into a deep pit* (Murdoch, 45). Фрагмент мнимого мира маркируется в противительных контекстах, ср.: *The wound seemed to be healing on the top, but it hurt the child too much* (Lawrence, 35); *It sounded like he was crying, only he wasn't, he was talking to himself* (Saroyan, 46); *The room was lighted, but the boy was alone and seemed asleep. Then he tried to rouse the child, but Bibber was not sleeping; he was unconscious* (Cheever, 78). Противительные контексты с модусом кажимости свидетельствуют о том, что интерпретация перцептуальных признаков не исключает возможности ошибочных выводов, неадекватного отражения действительности, и опровержение направлено на вывод из непосредственно воспринимаемых данных. Пропозиция, вводимая модусом кажимости, противопоставлена верифицированной пропозиции, подчиненной модусу знания с эксплицитно выраженным

субъектом. Смысловое взаимодействие кажущегося и реального эксплицирует смещение дейктического центра: от позиции наблюдателя, который воспринимает и интерпретирует информацию, к позиции говорящего, «носителя истины». События, представленные в концептуальном мире познающего субъекта, оказываются не соответствующими действительности; в микромире говорящего констатируется их контрфактичность. Этот тип смыслового взаимодействия заключается в отклонении неистинного, ошибочного изображения и противопоставлении ему истинного.

Сдвиг в сторону мнимости, мнимого мира, ошибочности впечатлений и мнений возникает в тех случаях, когда предикаты кажимости оказываются в рематической позиции, чему способствует введение в предложение лексемы *only*. При перемещении предикатов *seem, look, sound, give impression* в коммуникативный фокус актуализируется компонент смысловой структуры 'представляемое в мыслях ошибочно, не соответствует действительности.' В этой позиции происходит перестановка компонентов семантической структуры: бывший ассертивный компонент переходит в презумпцию, а в ассерции оказывается новый ассертивный компонент 'Говорящий считает, что скорее всего не Р'. Предикат в рематической позиции выполняет функцию негативной оценки истинности актуализованной пропозиции, ср.: *Harrap was his name on all the school records, although his father's name was something that only sounded a little like Harrap* (Saroyan, 45); *Apparently all was well with the new household, but only apparently* (Wilder, 69); *If you look at Page Ten – I've read it. It does seem to cover the point at first sight. Mark you, I only say seems to cover it* (Braine, 68); *Wes joined Dutch where he was standing in front of an electric space heater < ... > the glowing red coils gave the impression that, standing near it, he was staving off penetrating cold. It was only an impression* (Brown, 47). Из приведенных примеров явствует, что именно рематическая позиция соответствует значению ошибочности мнения.

Итак, говорящий структурирует свой когнитивный опыт взаимодействия с миром, включающий, наряду с истинным знанием, ошибочные когниции, ошибочное мнение, ошибочный способ переработки информации,

способность познающего субъекта к самокоррекции. Ошибка, по данным языка, предстает как результат ретроспективной рефлексии над ситуацией.

Библиографический список

1. *Антропологическая лингвистика*: Концепты. Категории [Текст]: кол. монография под ред. Ю.М. Малиновича. – Москва – Иркутск, 2003.
2. *Апресян, Ю.Д.* От истины до лжи по пространству языка [Текст] / Ю.Д. Апресян // Между ложью и фантазией. – М. : Индрик, 2003. – С.23–45.
3. *Апресян, Ю.Д.* Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать)/ Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 13–33.
4. *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988.
5. *Болдырев, Н.Н.* Категории как форма репрезентации знаний в языке [Текст] / Н.Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр., посв. юбилею профессора Н.Н.Болдырева/ под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 16–39.
6. *Демьянков, В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–32.
7. *Зализняк Анна А.* Предикаты ошибочного мнения в свете семантической типологии: глагол *мнить* [Текст] / Анна А. Зализняк // Между ложью и фантазией. – М. : Индрик, 2003. – С.106–117.
8. *Кустова, Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
9. *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996.
10. *Рябцева, Н.К.* Язык и естественный интеллект [Текст] / Н.К. Рябцева. – РАН Ин-т языкознания. – М. : Academia, 2005.
11. *Селиверстова, О.Н.* Константность и вариативность в семантической структуре многозначных слов типа *take* [Текст] / О.Н. Селиверстова // Семантическое и формальное варьирование. – М. : Наука, 1979. – С. 27–107.
12. *Труб В.М.* О разнообразных типах отклонения от истины(шутка, ошибка , сенсорные девиации, умолчание) [Текст] / В. М. Труб // Между ложью и фантазией. – М. : Индрик, 2008. – С. 426–441.
13. *Searle, J.R.* Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World [Text] / J.R. Searle. – N.Y. : Basic Books, 1999.

Список использованных словарей

1. *НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* [Текст] / под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва; Вена: Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004.
2. *BNC – British National Corpus (An On-Line Sample Version* [Electronic Resource] / BNC. — <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
3. *EDEL – An Etymological Dictionary of the English Language* [Text] / ed. By Walter. W. Sheat. – Oxford : Clarenton Press, 1910.
4. *LLA – Longman Language Activator* [Text]. – Edinburgh, Person Education Limited, 2005.
5. *LDEI – Longman Dictionary of English Idioms* [Text]. – Longman : Addison Wesley Publishing Company, 1979.
6. *MEDAL – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* [Text]. – Macmillan Publishers Limited, 2007.
7. *OED – The Oxford English Dictionary. A New English Dictionary on Historical Principles* [Text]: in 12 vol. – Oxford : Clarendon Press, 1933. – Vol. 7.

Список источников примеров

1. *Brown, S.* Slow Heat in Heaven [Text] / S. Brown. – New York : Warner Books Edition, 1988.
2. *Chase, J.H.* A Lotus for Miss Quon [Text] / J.H. Chase. – М. : Изд-во «Менеджер», 2004.
3. *Cheever, J.* Selected Prose [Text] / J. Cheever. – М. : Изд-во «Менеджер», 2003.
4. *Dailey, J.* Northen Magic [Text] / J. Dailey. – New York : Harlequin Books, 1986.
5. *Greene, G.* Comedians [Text] / G. Greene. – М. : Изд-во «Менеджер», 2003.
6. *Lawrence, D.H.* Odour of Chrysanthemums and other Stories [Text] / D.H. Lawrence. – Moscow : Progress Publishers, 1977.
7. *Mitra, R.N.* A Very Insipid Person [Text] / R.N. Mitra. – М. : Изд-во «Менеджер», 2002.
8. *Murdoch, I.* The Time of the Angels [Text] / I. Murdoch. – London : Triad Panther Books, 1976.
9. *Saroyan, W.* Selected Short Stories [Text] / W. Saroyan. – М. : «Радуга», 2002.
10. *Shaw, I.* Nightwork [Text] / I. Shaw. – СПб.: Антология, КАРО, 2005.
11. *Wilder, T.* Heaven's My Destination [Text] / T. Wilder. – М. : Радуга, 2001.
12. *WS – The White Stocking* [Text]. – М. : Изд-во «Рольф», 2001.